

МЭРИ-ЭНН ШАФФЕР

ЭННИ БЭРРОУЗ

КЛУБ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
КНИГ
И ПИРОГОВ

ИЗ КАРТОФЕЛЬНЫХ ОЧИСТКОВ

КНИГА-ПРАЗДНИК!
КТО БЫ МОГ ПОДУМАТЬ,
ЧТО О ВОЙНЕ
МОЖНО НАПИСАТЬ
С ТАКИМ ЮМОРОМ.

Энни Бэрроуз

**Клуб любителей книг и пирогов
из картофельных очистков**

«Фантом Пресс»

2008

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

Бэрроуз Э.

Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков /
Э. Бэрроуз — «Фантом Пресс», 2008

ISBN 978-5-86471-793-6

В послевоенном Лондоне молодая писательница Джулиет пытается найти сюжет для новой книги, но об ужасах войны писать ей решительно не хочется, а прочие темы кажутся либо скучными, либо неуместными. На помощь приходит случай – в виде письма одного свиновода с острова Гернси. Оказывается, даже свинари любят почитать, и неведомый Доуси, к которому в руки попала книга, некогда принадлежавшая Джулиет, просит посоветовать ему хорошую книжную лавку. На Гернси с книгами сейчас туго, поскольку остров все годы войны был оккупирован немцами. Так начинается переписка, а точнее, роман в письмах между Джулиет и островитянами. История книжного клуба, ставшего прикрытием для запрещенных встреч жителей деревни, увлекает и затягивает ее. История, начинавшаяся как сюжет для новой книги, скоро превратится в ее собственную историю... Этот грустный и веселый роман – о военном времени, но он полон солнца, света и радости. Но кто сказал, что смерть и ужас должны быть всегда на первом месте? Иногда даже они отступают перед чувством юмора и оптимизмом. В романе есть замечательная фраза, которая в полной мере относится к нему самому: «Хорошие книги начисто отбивают охоту к плохим». «Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков» – не просто хорошая книга, возможно, это лучшее, что вы прочтете за долгое-долгое время. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-86471-793-6

© Бэрроуз Э., 2008
© Фантом Пресс, 2008

Содержание

Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мэри Энн Шаффер, Энни Барроуз

Клуб любителей книг и пирогов

из картофельных очистков

THE GUERNSEY LITERARY AND POTATO PEEL PIE SOCIETY
by MARY ANN SHAFFER & ANNIE BARROWS

Copyright © 2008 by Mary Ann Shaffer & Annie Barrows

Все права защищены.

Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана с любезного согласия авторов и при содействии литературных агентов: Lisa Dawson Associates (США) и Агентства Александра Корженевского (Россия)

© Мария Спивак, перевод, 2010

© Фантом Пресс, оформление, издание, 2018

* * *

*Моей матери, Эдне Фиери Морган, и близкому другу Джулии
Поппи – с любовью.*
М. Э. Ш.

И моей матери, Синтии Фиери Барроуз.
Э. Б.

Часть первая

Джулиет – Сидни

8 января 1946 года

Сидни Старку, издателю
Стивенс и Старк Лтд.
Площадь Сент-Джеймс
Лондон S.W.1
Англия

Дорогой Сидни!

Сьюзан Скотт просто прелесть. Мы с ней продали больше сорока экземпляров книжки, что само по себе очень здорово, но главное счастье здесь – еда. Сьюзан ухитрилась раздобыть по карточкам сахарную пудру и настоящие яйца и сделала меренги. Если все наши литературные ланчи будут проходить на столь же высоком уровне, я не возражаю против турне по стране. Как думаешь, щедрые комиссионные вдохновят ее на сливочное масло? Попробуем? Деньги вычтешь из моего гонорара.

Теперь о грустном. Ты спрашивал, как продвигается работа над новой книжкой. Сидни, никак!

А ведь поначалу «Слабости британцев» так много обещали. «Общество по борьбе с возмеличиванием английского зайчика»... По идее, тут можно строчить тоннами. Я нашла снимок: марш профсоюза крысоторов по Оксфорд-стрит; плакаты: «Долой Беатрикс Поттер!»¹ Но, кроме заглавия, что здесь еще напишешь? Буквально ничего.

Я передумала заниматься этой книгой – и голова и сердце против. Как ни дорога мне (была) Иззи Бикерштафф, она себя исчерпала. Надоело числиться в юмористках. Разумеется, вызвать у читателя смех – хотя бы легонькое хи-хи – для журналиста в военное время дело великое, но... у меня что-то больше не получается смотреть на мир с горних высот, а без этого, бог свидетель, смешного не сотворишь.

Впрочем, я рада, что «Иззи Бикерштафф идет на войну» приносит «Стивенс и Старк» денежки. Совесть не так грызет – учитывая фиаско с биографией Энн Бронте.

Огромное спасибо за все, с любовью, Джулиет

Р. С. Я сейчас читаю письма миссис Монтегю. Знаешь, что это чудовище написало Джейн Карлейль?² «Милочка Джейн, у каждого из нас есть дар свыше. Вам как никому удаются постскриптумы». Искренне надеюсь, что Джейн свыше на нее плюнула.

Сидни – Джулиет

10 января 1946 года

¹ Беатрикс Поттер (1866–1943) – английская детская писательница и художница, известность ей принесла книжка «Кролик Питер». И хотя сказки Поттер населены всевозможными зверушками – белочками, ежиками, свинками и котятками, именно кролик особенно близок ее писательскому сердцу. Беатрикс Поттер даже придумала куклу Кролик Питер, который впоследствии стал, наверное, самым знаменитым кроликом в мире.

² Джейн Карлейль (1801–1866) – жена шотландского философа и писателя Томаса Карлейля, оставила богатое эпистолярное наследие.

Мисс Джулиет Эштон
Глибплейс, 23
Челси
Лондон

Дорогая Джулиет!

Поздравляю! По словам Сьюзан, на ланче публика потянулась к тебе, точно алкоголик к бутылке, поэтому перестань волноваться о турне. Нисколько не сомневаюсь, что на следующей неделе тебя ждет оглушительный успех. Я прекрасно помню, как блистательно восемнадцать лет назад ты исполнила «Песнь пастушка в долине унижений», и с тех пор знаю: ты умеешь одним легким движением заставить аудиторию оцепенеть. Маленький совет: возможно, на сей раз по окончании представления не стоит бросать книгу в зал.

Сьюзан спит и видит, как бы протащить тебя по всем книжным магазинам от Бата до Йоркшира. А Софи, конечно, мечтает заманить в Шотландию. Я же на это отвечаю – наинуднейшим голосом истинного старшего брата: поживем – увидим. Понимаю, она очень по тебе соскучилась, но у «Стивенса и Старк» нет морального права принимать во внимание подобные аргументы.

Я только что получил отчет по продажам «Иzzi» в Лондоне и ближних графствах – цифры впечатляющие. Опять же, поздравляю!

Не переживай из-за «Слабостей»; если энтузиазм угас, лучше сейчас, чем через полгода писанины. С вульгарной – коммерческой – точки зрения идея была привлекательна, но тема, согласен, дохловата. Ты обязательно придумаешь что-то еще – то, что тебе понравится.

Поужинаем до твоего отъезда? Скажи когда.

С любовью, Сидни

P. S. Ты тоже мастер постскриптумов.

Джулиет – Сидни

11 января 1946 года

Дорогой Сидни!

С удовольствием – где-нибудь на реке? Хочу устриц, шампанского и ростбиф, если будут; если нет, сойдет и курица. Я счастлива, что «Иzzi» хорошо продается. Может, ехать в турне уже не надо?

Кстати, поскольку мой скромный успех – заслуга твоя и «Стивенс и Старк», я угощаю.

С любовью, Джулиет

P. S. Я бросила Пастушка не в зал, а в преподавательницу риторики. Хотела бросить к ногам, но промахнулась.

Джулиет – Софи Стречен

12 января 1946 года

Миссис Александр Стречен
Феочен-фарм близ Оубен
Аргилл

Дорогая Софи!

Мне безумно хочется тебя видеть, но я в данный момент не я, а бездумный безвольный механизм. По приказу Сидни мне надо ехать в Бат, Колчестер, Лидс и еще какие-то дебри –

сейчас не вспомню какие, – поэтому взять и слинять в Шотландию просто невозможно. Сидни насупит брови, сощурит глаза – и будет гневаться. А ты знаешь, как ужасно он гневается.

Как здорово было бы улизнуть в деревню, к тебе. Ведь ты бы меня баловала? Разрешила бы поваляться на диване? Подоткнула одеяльце, принесла чаю. Александр не станет возражать против постоянной оккупации дивана? Ты говорила, он человек терпеливый, но такое не всякий вынесет.

И почему мне грустно? Надо радоваться возможности читать «Иззи» вслух перед зачарованной публикой. Ты знаешь, до чего я люблю беседовать о книгах и как обожаю комплименты. Мне бы трепетать от восторга, а я хожу мрачная – мрачнее, чем во время войны. Все, решительно все кругом разрушено, Софи, – дороги, дома, люди. Особенно люди.

Думаю, это у меня последствия вчерашнего званого ужина. Еда, естественно, была чудовищна, но иного я не ждала. Доконали гости – на редкость тоскливое собрание. Говорили о бомбежках и голоде. Помнишь Сару Моркрофт? Я ее встретила. Гусиная кожа, кости и кроваво-красная помада. А была ведь хорошенькая... сохла еще по типу, который ездил верхом и потом поступил в Кембридж. Так вот, тип отсутствовал; Сара замужем за серолицым доктором. Он шелкает языком всякий раз перед тем, как что-то сказать. Однако и доктор – истинный герой романа по сравнению с господином, доставшимся в пару мне, причем только по той причине, что он холостяк, видимо, последний на земле... Ужас, какая я зануда и нытик!

Честно, Софи, со мной что-то не в порядке. Мужчины, которые мне попадаются, невыносимы. Вероятно, надо занизить стандарты – не до серощекого шелкуна, конечно, но чуть-чуть. Главное, тут даже не война виновата – с мужчинами мне всегда не везло.

Неужели печник из Св. Суизина так и останется моей единственной настоящей любовью? Вряд ли, все-таки мы ни разу не разговаривали... Зато моя страсть не омрачена разочарованием. А его черные кудри? За печником, если помнишь, последовал «год поэтов». Сидни все хихикает надо мной, а ведь сам нас знакомил. Следующим шел бедняга Эдриан. Не стану в сотый раз пересказывать печальную повесть, но, Софи, Софи, что со мной не так? Я слишком разборчива? Но нельзя же выходить замуж просто ради замужества. Жизнь с тем, с кем нельзя поговорить, а тем более помолчать, – худшее из одиночеств.

Письмо получилось противное, нудное, скучное. Ты наверняка вздохнула с облегчением: ура, она в Шотландию не приедет. А я, может, еще приеду – моя судьба в руках Сидни.

Поцелуй от меня Доминика и передай, что на днях я видела крысу – здоровенную, ростом с терьера.

Привет Александру.

С любовью, Джулиет

Доуси Адамс – Джулиет

о-в Гернси, Нормандские острова

12 января 1946 года

Мисс Джулиет Эштон
Оукли-стрит, 81
Челси
Лондон S.W.3

Дорогая мисс Эштон!

Мое имя Доуси Адамс. Я живу на острове Гернси в приходе Сент-Мартинс, на собственной ферме. О Вас я узнал из книги, она когда-то принадлежала Вам. «Избранные сочинения Элии», автора в реальной жизни звали Чарльз Лэм³. А Ваши фамилия и адрес указаны изнутри на обложке.

Скажу просто – я обожаю Чарльза Лэма. Моя книжка называется «Избранное», вот я и думаю: значит, он написал еще. Хотелось бы почитать. Но на Гернси, хотя немцы уже ушли, книжные лавки закрыты.

Можно попросить Вас об одолжении? Не сообщите ли название и адрес какого-нибудь книжного магазина в Лондоне? Я бы по почте заказал сочинения Чарльза Лэма. Также хорошо бы узнать, издана ли его биография. Если да, очень хочется достать. Мысли у мистера Лэма яркие, забавные, но жизнь, похоже, была не сахар.

Он смешил меня даже во время фашистской оккупации, особенно рассказ про жареную свинью. Наш клуб любителей книги и пирогов из картофельных очистков тоже появился благодаря жареной свинье, которую пришлось прятать от немцев, и от этого мистер Лэм стал нам еще ближе.

Совестно Вас беспокоить, но ничего не узнать о нем так обидно, ведь из-за его книжки он стал мне как друг.

Надеюсь, что не очень потревожил.

Доуси Адамс

P. S. Одна моя знакомая, миссис Моджери, купила памфлет, тоже когда-то принадлежавший Вам. Он называется «Горел ли куст? Апология Моисея и десяти заповедей». Ей понравилась Ваша заметка на полях: «Слово Господне или способ управлять толпой???» Вы уже решили, что именно?

Джулия – Доуси

15 января 1946 года

М-ру Доуси Адамсу
Ле Воларен
Ля Буви
Сент-Мартинс, Гернси

Дорогой мистер Адамс!

Я больше не живу на Оукли-стрит, но чрезвычайно рада, что Ваше письмо нашло меня, а моя книжка – Вас. Мне было поистине горестно расставаться с «Избранными сочинениями Элии». Являясь счастливой обладательницей двух экземпляров, я одновременно нуждалась в свободном пространстве на книжных полках, однако при продаже все равно чувствовала себя предательницей. Ваше письмо пролило бальзам на мою кровоточащую совесть.

Интересно знать, как «Сочинения» добрались до Гернси? Может, у книг есть особый инстинкт, который помогает отыскать идеального читателя? Замечательно, если так.

Для меня рыться на полках книжных магазинов – высшее наслаждение. Поэтому, едва прочитав Ваше письмо, я моментально отправилась к «Хастингсу и сыновьям», куда хожу много лет и где непременно обнаруживается та единственная книга, что была мне нужна, плюс еще три, о необходимости которых я не подозревала. Мистер Хастингс понял, что Вам необходим экземпляр рядового издания «Новых сочинений Элии» в хорошем состоянии. Мистер

³ Поэт и эссеист Чарльз Лэм (1775–1834) написал и сам же опубликовал два тома «Сочинений Элии», сделавших его классиком мировой литературы. В книге писатель, прячась за маской немного странного чудака Элии, рассказывает обо всем на свете: о романтических чувствах, о политике, об искусстве.

Хастингс отправит его бандеролью (с приложением квитанции). Узнав, что Вы являетесь почитателем Чарльза Лэма, мистер Хастингс очень обрадовался и сказал, что лучшая его биография написана Э. В. Лукасом, и обещал ее разыскать, но на это может потребоваться некоторое время.

А пока, полагаю, Вы не станете возражать против маленького подарка от меня. Это из его «Избранных писем» и, по-моему, говорит о Лэме больше самой подробной биографии. Э. В. Лукас наверняка слишком академичен и вряд ли приводит в своем произведении мой любимый отрывок из Лэма:

Бум-бум-бум, трах-тах-тах,
Вжик-вжик-вжик, та-ра-рах!
Я, конечно, приду – покарайте меня.
Слишком много я выпил за эти два дня.
Моя совесть почти что издохла,
Даже вера в Бога засохла.

Вы найдете это в «Письмах» на стр. 244 – мое первое знакомство с Лэмом. Стыдно признаться, но книгу я купила лишь потому, что читала где-то про некоего Лэма, который навещал в тюрьме своего друга Ли Ханта⁴ – тот сидел за нападки на принца Уэльского.

Лэм вместе с Хантом выкрасили потолок камеры под голубое небо с белыми облаками, а после нарисовали на стене шпалеру роз. Позже я узнала, что Лэм, кроме всего прочего, помогал семье Ханта деньгами, хотя сам был беден как церковная крыса. И выучил младшую дочь Ханта наизусть читать «Отче наш» – задом наперед. О таком человеке, естественно, хочется знать все.

Вот что мне нравится в чтении: одна-единственная деталька в повествовании заставляет взяться за другую книгу, а крохотная деталька в ней – за третью... Бесконечная геометрическая прогрессия, рожденная погоней за удовольствием.

Красное пятно на обложке, напоминающее кровь, – это кровь. Я неосторожно обошлась с ножом для бумаг. Прилагаемая открытка – репродукция портрета Лэма кисти его друга Уильяма Хэзлитта⁵.

Если у Вас есть время на переписку, не могли бы Вы ответить на несколько вопросов? А именно на три. Почему жареную свинью потребовалось прятать? Как из-за нее возник литературный клуб? И самое любопытное: что за пирог из картофельных очистков? И почему он фигурирует в названии клуба?

Я снимаю квартиру по адресу: Глибплейс, 23, Челси, Лондон S.W.3.

Мою квартиру на Оукли-стрит разбомбило в 1945-м, и я часто ее вспоминаю. Там было чудесно: из трех окон вид на Темзу. Знаю, это счастье, что мне вообще удалось найти в Лондоне квартиру, но, видите ли, я скорее нытик, чем оптимист. Однако рада, что охота за «Элией» привела Вас ко мне.

Искренне Ваша Джулиет Эштон

P. S. Насчет Моисея я так и не решила, до сих пор мучаюсь.

⁴ Джеймс Генри Ли Хант (1784–1859) – английский эссеист, поэт, критик, а также издатель Шелли и Китса. В 1808-м начал издавать либеральный журнал «Экзаминер», в котором высмеивал всех и вся, в том числе и принца-регента, за что был приговорен к двум годам тюрьмы.

⁵ Хэзлитт Уильям (1778–1830) – английский критик и эссеист, активно сотрудничал с либеральной оппозицией и журналом «Экзаминер».

Джулиет – Сидни

18 января 1946 года

Дорогой Сидни!

Это не письмо, а извинение. Прости, прости мои стенания по поводу чаепитий и ланчей, которые ты устраиваешь ради «Иzzi». Я называла тебя тираном? Беру все свои слова назад. Я обожаю «Стивенс и Старк» за то, что меня услали из Лондона.

Бат – удивительный город: ровные полумесяцы чудесных, целехоньких белых зданий; ничего похожего на наши лондонские черные, мрачные громады – или, хуже того, на груды развалин вместо них. А какое счастье дышать чистым, свежим воздухом без угля и пыли! Погода хоть и холодная, но не промозглая, как в Лондоне. Даже прохожие на улицах другие – прямые, стройные, наподобие своих жилищ, резкий контраст по сравнению с серыми, сгорбленными жителями столицы.

Сьюзан говорит, что книжное чаепитие в «Эбботс» всем чрезвычайно понравилось, а мне уж точно. Минуты через три после начала я сумела отлепить язык от нёба и тут же принялась упиваться происходящим.

Завтра мы со Сьюзан отправляемся по книжным магазинам Колчестера, Норвича, Кингс-Линн, Бредфорда и Лидса.

Спасибо тебе за все, люблю, Джулиет

Джулиет – Сидни

21 января 1946 года

Дорогой Сидни!

Ездить ночью в поезде опять стало очень здорово! Никаких многочасовых стояний в коридоре, никаких задержек, чтобы прошли военные эшелоны, а главное, никакого затемнения. А еще опять можно подглядывать в окна – ведь в них есть свет! Всю войну мне этого страшно недоставало, люди тогда будто бы превратились в подземных кротов. Но учти, вуайеристкой я себя не считаю, потому что их интерес – спальни, а мой – кухни, гостиные. Один взгляд на книжный шкаф, письменный стол, горящие свечи, яркие диванные подушки – и жизнь семьи как на ладони.

Сегодня в магазине Тилмана нам попался один омерзительный, надменный тип. Я рассказала об Иззи, поинтересовалась, есть ли вопросы, и он буквально выпрыгнул невесть откуда у меня перед носом и потребовал объяснений: как я, жалкая обывательница, осмелилась помянуть всуе Исаака Бикерштаффа? «Исаак Бикерштафф, знаменитый журналист, святой человек, душа и сердце литературы восемнадцатого столетия, умер, а вы оскверняете его имя».

Я хотела что-то пропищать, да не успела: в заднем ряду вскочила какая-то женщина.

– Помолчали бы! Нельзя осквернить имя того, кого никогда не существовало! Кто не умирал, потому что не жил. Исаак Бикерштафф – псевдоним Джозефа Эдисона из «Спектейтор»!⁶ Мисс Эштон имеет право творить под любым именем – и вас не спросим!

Моя отважная защитница вышла победительницей – тип спешно ретировался.

Сидни, ты случайно не знаешь типа по имени Маркхэм В. Рейнольдс-младший? Если нет, поищи в «Кто есть кто», «Книге Судеб» или картотеке Скот-ленд-Ярда, ладно? Если и там

⁶ У этой дамы в голове все перепуталось. На самом деле Исаак Бикерштафф – это псевдоним Джонатана Свифта, под которым знаменитый писатель и шутник издевался над астрологами. А публицист Джозеф Эдисон основал журнал «Татлер» («Болтун»), в котором Свифт и предстал в образе Бикерштаффа. Само же слово «бикерштафф» означает «палку для битья».

не найдешь, загляни в телефонный справочник. Этот Маркхэм прислал мне в гостиницу Бата красивый весенний букет, в поезд – дюжину белых роз, в Норвич – охапку красных, и все без записки, одна лишь визитная карточка. Правда, стильная.

И все же, откуда ему известно, где мы со Сьюзан останавливаемся? И на каком поезде едем? Цветы всякий раз ждали моего приезда. Что делать, наслаждаться или прятаться?

С любовью, Джулиет

Джулиет – Сидни

23 января 1946 года

Дорогой Сидни!

Сьюзан показала мне отчет по продажам «Иззи» – прямо не верится. Я искренне считала, что война всем ужасно надоела и вспоминать о ней – тем более читать в книжках – никому не хочется. К счастью, ты в очередной раз оказался прав, а я нет (признавать это для меня смерти подобно).

Поездки, выступления перед внимающей тебе публикой, автографы, встречи с людьми – я в совершеннейшем восторге! Женщины рассказывают о войне разные любопытные истории, и можно лишь пожалеть, что я уже не веду колонку. Например, вчера в Норвиче одна дама поведала мне следующее. У нее четыре дочери-подростка. Старшую на прошлой неделе пригласили на чаепитие в кадетской школе. Девочка пришла в своем лучшем платье и белоснежных перчатках, переступила порог, кинула взгляд на море сияющих кадетских лиц – и потеряла сознание! Бедный ребенок за всю жизнь не видел столько мужчин одновременно. Подумай, целое поколение выросло без танцев, без флирта...

Мне нравится общаться с продавцами в книжных магазинах – воистину особая порода людей. Никто в здравом уме не согласится на такое жалованье, да и для владельцев прибыль ничтожна. Значит, единственный мотив – любовь к читателям и чтению плюс удовольствие первым открыть новую книгу.

Помнишь нашу с твоей сестрой первую работу в Лондоне? Букинистический магазинчик мистера Хоука? Я его обожала! Он распаковывал коробку с книгами и выдавал нам одну-две со словами: «Пеплом не мазать, отпечатков не оставлять, и ради всего святого, Джулиет, пометок на полях не писать! Софи, деточка, умоляю, не позволяй ей пить кофе». И мы садились читать.

Меня потрясало тогда и потрясает сейчас, что люди, как правило, заходят в книжные магазины, толком не зная, что им нужно. Просто роются на полках в поисках чего-нибудь занимательного. А потом – они ведь умные и не верят издательским рецензиям – задают продавцам три вопроса: 1) О чем это? 2) А вы сами читали? 3) И что, понравилось?

Настоящий, прирожденный книготорговец – вроде меня и Софи – врать не станет. Выражение лица все равно выдаст с потрохами. Поднятая бровь, легкая гримаса – и сразу ясно: нет-нет, это не книга, а недоразумение. И тогда умный покупатель обязательно спросит: «А вы что порекомендуете?» И ты за руки за ноги отволочешь его куда надо. Если книга ему не понравится, он больше к тебе не придет. Зато если понравится – он твой навсегда.

Ты записываешь? Зря. Но все равно скажу: издатели должны отправлять в магазины не по одному экземпляру, а по несколько, для продавщиц.

Мистер Сетон сегодня сказал, что «Иззи Бикерштафф» – идеальный подарок и для любимого человека, и для нелюбимого, которому все равно нужно что-то подарить. А еще он утверждает, что 30 процентов книг приобретается именно в подарок. Тридцать процентов?! Как считаешь, врет?

Сьюзан тебе сказала, чем еще она распоряжается, помимо нашей поездки? Мной. Мы не прообщались и получаса, а она уже объявила, что моя косметика, одежда, прическа и туфли не годятся никуда, решительно никуда. Я что, не в курсе? Война закончилась!

Она отвела меня в салон мадам Хелены, и теперь вместо длинных лохм у меня короткие кудри. Их чуточку осветлили – по словам Сьюзан и мадам Хелены, моим «прелестным каштановым локонам» не доставало золотого блеска. Ха! Меня не проведешь; это они замаскировали седые волоски (по моим подсчетам, их четыре). Заодно я купила банку крема для лица, лосьон для рук с приятным запахом, новую помаду и приспособление для подкручивания ресниц – от которого глазки в кучку.

Затем Сьюзан объявила, что надо подумать о новом платье. Я ответила в том духе, что, мол, королева донашивает наряды 1939 года – и ничего, довольна, а я-то чем лучше? Сьюзан в долгу не осталась: королеве не требуется производить на людей хорошее впечатление, а мне очень даже. Я поначалу чувствовала себя предательницей страны и короны, потому что в наши дни приличные дамы не покупают новой одежды, но забыла обо всем на свете, увидев свое отражение в зеркале. Первое новое платье за четыре года – и какое! Цвета спелого персика; при движениях волнуется как море. Продавщица заверила, что в платье есть «галльский шик» и, если его купить, на меня шик тоже перейдет. Я купила. Правда, с новыми туфлями придется повременить: я истратила почти годовой запас мануфактурных карточек.

Итак, благодаря Сьюзан, прическе, крему и платью я больше не убогая чумичка тридцати двух лет. Я – живая, эффектная, сказочно откутурная (если такого французского слова нет, его надо внести в словари) тридцатилетка.

Кстати, о новом платье и отсутствующих новых туфлях. Возмутительно, что после войны ограничения на товары строже, чем в военные годы! Понятно, что надо накормить, одеть, дать крышу над головой сотням тысяч людей по всей Европе, но, если честно, обидно, что среди них столько немцев.

У меня по-прежнему никаких идей насчет следующей книги. Я уже начинаю нервничать. У тебя есть предложения?

Сейчас я нахожусь, что называется, на Севере, поэтому вечером хочу позвонить по междугородному телефону Софи в Шотландию. Хочешь передать что-нибудь сестре? Зятю? Племяннику?

Это самое длинное письмо в моей жизни. Воздавать сторицей не обязательно.

С любовью, Джулиет

Сьюзан Скотт – Сидни

25 января 1946 года

Дорогой Сидни!

Не верьте газетам. Джулиет не арестовывали и не уводили в наручниках. Ее всего лишь отчитал бредфордский констебль – с трудом сдерживая хохот.

Да, она действительно швырнула чайником Джилли Гилберту в голову, но не ошпарила, нет, это с его стороны наглая ложь, чай был совсем холодный. И удар пришелся по касательной, вовсе не в лоб. С нас даже не удержали за чайник – подумаешь, малюсенькая щербинка. Однако Джилли так вопил, что управляющий отеля все же позвонил в полицию.

Такая, если вкратце, история. Ответственность я полностью беру на себя – не следовало подпускать Джилли к Джулиет с интервью. Я ведь в курсе, что это за скользкий червяк, как, впрочем, и все, кто работает в лондонской «Хватай-держи». И я знала, что успех колонки Иззи Бикерштафф в «Спектейтор» – как и сама Джулиет – для Джилли с его газетенкой хуже кости в горле.

«Брейди Буксмит» устроили для Джулиет прием. В отель мы вернулись усталые, но невероятно гордые собой. А в вестибюле откуда ни возьмись – Джилли! Упросил выпить с ним чаю, умолял о короткой беседе с «нашим достоянием, восхитительной мисс Эштон, – или, правильнее сказать, со всенародным британским достоянием, восхитительной Иззи Бикерштафф?». Одно это сладкопение должно было меня насторожить, но, увы, очень хотелось есть, еще чуть-чуть насладиться успехом Джулиет и выпить чаю со сливками.

Мы согласились. Разговор шел гладко, и я отвлеклась на что-то свое, но потом услышала:

– Вы ведь потеряли на войне мужа, верно? Почти мужа... без пяти минут. Собирались замуж за лейтенанта Роба Дартри, не так ли? Даже церемония была назначена?

Джулиет в ответ холодно произнесла:

– Прошу прощения, мистер Гилберт?

Вы же знаете, Сидни, до чего она вежлива.

– Я ничего не путаю? Вы с лейтенантом Дартри обращались за разрешением на брак, должны были пройти регистрацию в мэрии Челси 13 декабря 1942 года в 11 утра и заказали обед в «Ритце». Но не явились ни туда, ни в мэрию. Бросили лейтенанта Дартри, можно сказать, у алтаря! Бедняга, униженный и оскорбленный, с разбитым сердцем отправился на свой корабль и меньше чем через три месяца погиб в Бирме.

Я села очень прямо. У меня самым натуральным образом отвисла челюсть. Я лишилась дара речи. А Джулиет, сдерживаясь из последних сил, втолковывала наглецу:

– Я не бросала Роба у алтаря, это произошло накануне. И его это несколько не унизило – наоборот, он вздохнул с облегчением. Я просто сказала ему, что передумала выходить замуж. Поверьте, мистер Гилберт, Роб уехал, радуясь счастливому избавлению. Причем отправился не на корабль, а чуть ли не вприпрыжку в клуб моряков, где до утра протанцевал с Белиндой Твайнинг.

Джилли, естественно, удивился, но не унялся. Такие крысы не унимаются. Он быстро сообразил, что такой пикантный поворот событий для его газетенки еще интереснее.

– АГА! – гнусно ухмыльнулся он. – В чем же причина? Алкоголь? Женщины? Приветик от Оскара Уайльда?

Вот тут Джулиет и запустила в него чайником. Можете вообразить переполох – в вестибюле было полно народу. Потому все и просочилось в газеты.

Кстати, если начистоту. Заголовок «ИЗЗИ БИКЕРШТАФФ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА ВОЙНУ! В сражении сдобными булочками ранен репортер» грубоват, но неплох. Однако «КАК ДЖУЛЬЕТТА ПРЕДАЛА РОМЕО, или ПАВШИЙ В БИРМЕ» – мерзость, даже для Гилберта и «Хватай-держи».

Джулиет переживает за репутацию «Стивенс и Старк», но из-за Роба Дартри ей совсем дурно. Мне удалось разведать только одно: он был хороший человек, очень хороший, он абсолютно ни в чем не виноват – и позора не заслужил!

Вы его знали? Разумеется, алкоголь и Оскар Уайльд – чушь, но все же: почему Джулиет отменила свадьбу? Вы в курсе? И если да, мне бы сказали? Естественно, нет; зачем я спрашиваю?

Досужие сплетни скоро стихнут, но стоит ли Джулиет возвращаться в Лондон в самом их разгаре? Не продлить ли тур? Может, Шотландия? Признаюсь, я в сомнениях. Продажи прекрасные, но Джулиет столько трудилась – все эти бесконечные чаепития, ланчи. Нелегко стоять перед полным залом и расхваливать себя и свою книжку. В отличие от меня она к подобному не привыкла и, по-моему, очень устала.

Воскресенье мы проведем в Лидсе, насчет Шотландии дайте знать туда.

Джилли Гилберт – злобная тварь и, надеюсь, получит по заслугам, однако его стараниями «Иззи Бикерштафф» попала в список бестселлеров. Так и тянет написать гаду благодарственное письмо.

Ваша, и как всегда впопыхах, Сьюзан

Р. С. Вы выяснили, кто такой Маркхэм В. Рейнольдс? Он сегодня прислал Джулиет целую плантацию камелий.

Джулиет – Сидни

Телеграмма

УМИРАЮ ОТ СТЫДА. ЛЮБЛЮ, ДЖУЛИЕТ

Сидни – Джулиет

26 января 1946 года

Мисс Джулиет Эштон
Отель «Квинс»
Городская площадь
Лидс

Дорогая Джулиет!

Не переживай из-за Гилберта, ты нисколько не опозорила «Стивенс и Старк». Жаль только, что чай не был погорячей и ты не прицелилась получше и пониже. После грязной выходки Джилли за мной охотится пресса, и я намерен сделать заявление. Не волнуйся, не о тебе с Робом Дартри, – о Журналистике с большой буквы в наши дегенеративные времена.

Я только что говорил со Сьюзан про Шотландию и – хотя Софи меня не простит – решил, что туда ехать не нужно. Продажи «Иззи» растут быстро. По-моему, тебе стоит вернуться домой.

«Таймс» хочет заказать тебе большую статью для приложения, одну из серии в трех выпусках. Насчет сюжета пока умолчу, но скажу три вещи: это должна написать Джулиет Эштон, а не Иззи Бикерштафф, тема серьезная, а на заявленный гонорар ты сможешь целый год ежедневно уставлять квартиру свежими цветами, приобрести атласное покрывало (лорд Вултон утверждает, что для этого больше не требуется ждать, когда твою квартиру разбомбят) и купить настоящие кожаные туфли – если найдешь, конечно. Могу отдать тебе свои карточки.

Статья в «Таймс» нужна поздней весной, что хорошо, так как больше времени на размышления о новой книге. Словом, причин торопиться домой полно, но главная – я по тебе соскучился.

Далее. О Маркхэме В. Рейнольдсе-младшем. Я про него знаю, причем не из «Книги Судеб». Он американец, сын и наследник Маркхэма В. Рейнольдса-старшего, бумажного монополиста, скупившего кучу фабрик. Рейнольдс-младший, натура художественная, производством бумаги рук не пачкает – он пачкает ее саму. Издатель.

«Нью-Йорк джорнал», «Слово», «Взгляд», еще несколько журнальчиков поменьше. Мне говорили, что он в Лондоне. По официальной версии, приехал открывать лондонское отделение «Взгляда», но по слухам – сманивать наших лучших авторов, поскольку вздумал заняться серьезной литературой. Я слышал, что он любит сулить писателям богатство и процветание в Америке, но не думал, что в его арсенал входят розы с камелиями. Однако не удивлен: парню не занимать того, что у нас называется наглостью, а у американцев – духом предпринимательства. Погоди, сама увидишь – он растапливал и не такие каменные сердца! В частности, сердце моей секретарши. Стыдно признаться, но это она сообщала ему о вашем маршруте и адресах.

Сочла, что мистер Рейнольдс очень романтичен: «Удивительно красивый костюм и туфли на заказ!» Господи боже! Глупая женщина так и не уяснила, что значит слово «конфиденциальность». Пришлось уволить.

Нет сомнений, Джулиет, он тебя преследует. Вызвать его на дуэль? Нет, воздержусь – он непременно меня убьет. Дорогая, я не обещаю тебе ни богатства, ни процветания, ни даже сливочного масла, но... ты ведь знаешь, что «Стивенс и Старк» – особенно Старк – тебя очень-очень любят?

Поужинаем, как вернешься?

С любовью, Сидни

Джулиет – Сидни

28 января 1946 года

Дорогой Сидни!

Конечно, поужинаем, с наслаждением. Надену новое платье и налопаюсь как свинья.

Рада, что история с Джилли и чайником не опозорила «Стивенс и Старк», а то я испереживалась. Сюзан предлагала сделать «достойное заявление» для прессы про меня и Роба – почему мы не поженились. Только я не могу. Меня сочтут недотепой, но его – совсем дураком. Не хочу. Но именно так и получится, хотя дураком он не был. Просто так прозвучит. Поэтому я лучше помолчу – я, бессердечная, гадкая, противная вертихвостка. Тебе, впрочем, все расскажу. Рассказала бы раньше, но в 1942-м ты служил во флоте и Роба не знал. Даже Софи не была с ним знакома – той осенью она жила в Бредфорде, – а потом я взяла с нее клятву молчать. В общем, сразу не призналась, а после все стало уже неважно, особенно учитывая, в каком свете меня выставляло – глупой курицей, и в первую очередь из-за помолвки.

Я ведь думала, что влюблена (дура), готовилась жить с мужем и расчищала для него место в доме, чтобы он не почувствовал себя троюродной тетушкой из деревни. Освободила половину ящиков комода, полгардероба, медицинского шкафчика и письменного стола. Выбросила мягкие плечики для одежды, заменила на тяжелые деревянные. Убрала с кровати на чердак куклу-уродца. Словом, превратила квартиру в семейное гнездышко.

Днем перед свадьбой Роб перевозил ко мне остатки одежды и вещей, а я поехала в «Спектейтор» со статьей для колонки «Иззи». Затем поспешила домой, взлетела по лестнице, распахнула дверь – и обнаружила Роба перед книжным шкафом. Он сидел на низкой табуретке в окружении картонных коробок и уже заклеил последнюю клейкой лентой и даже перевязал веревкой. Коробок было восемь – восемь коробок моих книг, которые он связал и хотел отправить в ссылку в подвал!

Роб посмотрел на меня и сказал:

– Здравствуй, дорогая. Не переживай из-за беспорядка, привратник обещал помочь это унести. – Затем кивнул на книжные полки и добавил: – Правда, красиво?

От негодования я потеряла дар речи! Сидни, полки – те, где раньше стояли книги, – были сплошь забиты его спортивными наградами: серебряными и золотыми кубками, синими розетками, красными лентами. Там имелись призы за все спортивные игры, в которые можно играть с помощью деревянных приспособлений: крикетных клюшек, хоккейных, клюшек для поло, гольфа, сквоша и лакросса, ракеток для пинг-понга и тенниса, весел, лука и стрел, бильярдных киев. Плюс еще статуэтки за все, что мужчина способен перепрыгнуть самостоятельно или верхом. Грамоты в рамках – за отстрел максимального количества птиц такого-то числа такого-то года, за первое место по бегу и за то, что Роб последний выстоял при каком-то отвратительном перетягивании каната с Шотландией.

Я возопила:

– Как ты смеешь! Что ты НАДЕЛАЛ?! Верни книги на место!

И началось. Я выступила с речью: никто не выйдет замуж за человека, для которого главное счастье в жизни – лупить чем попало по птичкам и мячикам. Роб парировал: мегера, синий чулок. Ну, в таком духе. Любовь стремительно покатила под откос. Пожалуй, единственной нашей общей мыслью было: «О чем, черт возьми, мы столько говорили целых четыре месяца?» Действительно, о чем? Роб пытел, сопел, фыркал – потом ушел. А я распаковала книжки.

Помнишь, в прошлом году ты специально встретил меня ночью с поезда, чтобы сообщить, что мой дом разбомбили? Ты, наверное, подумал, я хохочу истерически? Ничего подобного. Я хохотала из-за иронии судьбы, ведь разреши я Робу отнести книги в подвал, я бы сохранила их все до единой.

Сидни, во имя нашей долгой дружбы разрешаю тебе не высказываться на сей счет – вообще. В сущности, буду рада, если не услышу от тебя ни слова по этому поводу.

Спасибо, что помог выследить Маркхэма В. Рейнольдса-младшего. До сих пор он оболыщал меня исключительно флористическим способом, поэтому я оставалась верна тебе и Империи. Но сочувствую твоей секретарше – надеюсь, он послал ей розы, – ибо не уверена, что моя нравственность выстояла бы под напором тувель, сшитых на заказ. Если мы вдруг встретимся, постараюсь не смотреть ему на ноги – или сначала привяжу себя к столбу, а затем гляну одним глазком, как Одиссей.

Награди тебя бог за то, что призывает меня домой. С нетерпением жду предложения от «Таймс». Можешь поклясться здоровьем Софи, что статья не фривольного содержания? Не о герцогине Виндзорской?

С любовью, Джулиет

Джулиет – Софи Стречен

31 января 1946 года

Дорогая Софи!

Спасибо, что заскочила в Лидс – я изнывала по дружескому общению! Честное слово, хотела сбежать на Гебриды и зажить там отшельницей. Так что ты просто умница.

Заметка в лондонской «Хватай-держи» обо мне – пример откровенной гиперболизации: меня даже не арестовывали. Я понимаю, что крестная мать-уголовница – мечта Доминика, но придется обойтись скучной мной, увы.

Я говорила Сидни, что на лживые, злобные обвинения Джилли отвечу гордым молчанием. Он сказал, молчи сколько хочешь, но «Стивенс и Старк» не обязаны!

И созвал пресс-конференцию, дабы защитить честь и достоинство Иззи Бикерштафф, Джулиет Эштон и журналистики в целом от разной швали вроде Джилли Гилберта. Это попало в шотландские газеты? Если нет – вот ключевые моменты. Сидни назвал Гилберта извращенцем и подонком (может, не дословно, но по сути) и еще сказал: «Гилберт лжет, ибо слишком ленив, чтобы уважать факты, и слишком глуп, чтобы понять, какой урон наносит его ложь благородным журналистским традициям». Правда, красиво?

Софи, подумай, могут ли девушки (теперь уже женщины) вроде нас с тобой мечтать о лучшем защитнике? Нет! Твой брат произнес вдохновенную речь. Но теперь, признаться, я немного боюсь. Джилли Гилберт – скользкий гад, который вряд ли уползет восвояси, ни разу не зашипев. Сюзан, правда, утверждает, что Джилли еще и трус и не осмелится на ответный удар. Надеюсь, она права.

С любовью ко всем вам, Джулиет

Р. С. Тот человек прислал очередную охапку орхидей. А у меня образовался нервный тик: поминутно озираюсь и смотрю, не выскочит ли он откуда-нибудь. Как думаешь, это и есть его цель?

Доуси – Джулиет

31 января 1946 года

Дорогая мисс Эштон!

Ваша книга вчера пришла! Вы – чудесный человек, и я благодарен Вам от всего сердца.

Я работаю в гавани Сент-Питер-Порта – разгружаю суда – и в обеденный перерыв есть время почитать. Выпить настоящего чаю, съесть хлеба с маслом – истинное блаженство, а теперь вот еще Ваша книга. К тому же в мягкой обложке, можно носить в кармане, хоть я и стараюсь растянуть удовольствие. А как я рад портрету Чарльза Лэма! Очень благородная внешность, верно?

Я бы очень хотел с Вами переписываться. Постараюсь подробно ответить на вопросы. Рассказчик из меня неважный, но все же. Начну с истории о жареной свинье.

Отец оставил мне в наследство дом и небольшое хозяйство. До войны я держал свиней, выращивал овощи для рынка в Сент-Питер-Порте, цветы для Ковент-Гарден, выполнял плотницкие работы и чинил крыши.

Свиней больше нет. Их конфисковали немцы для своей армии на континенте, а мне приказали сажать картошку. Нам полагалось заниматься исключительно тем, чем велено. Вначале, пока я толком не знал, что такое немцы, думал припрятать пару свинок для себя. Но сельхоз-штурмбанфюрер, или как его там, быстро про это пронюхал и отобрал моих красавиц. Удар тяжелый, но я решил, что ничего, переживем: картошки, репы навалом. Мука тогда еще оставалась. Но странное дело, до чего люди заиклены на еде. Полгода на репе и редких кусочках хрящика – и ты уже не способен думать ни о чем, кроме нормального ужина.

И вдруг соседка миссис Моджери присылает записку: приходите скорей. И приносите нож для мяса. Я боялся надеяться, но в особняк летел на всех парусах. И – о счастье! Миссис Моджери тайком держала свинью и пригласила меня и еще нескольких знакомых на пир!

Я с детства неразговорчив – сильное заикание – и к большим собраниям не привык. До того ужина меня, по правде говоря, никуда и не приглашали. Конечно, я согласился – кто же устоит против жареной свинины? – но вообще предпочел бы забрать свой кусок и съесть дома.

Слава богу, вышло по-другому. Мы еще не знали, но это стало первым заседанием гернсийского клуба любителей книг и пирогов из картофельных очистков. Еда была – упоение, компания – того лучше. За разговором мы совсем забыли о комендантском часе, и вдруг Амелия (миссис Моджери) услышала, что бьет девять, – мы пересидели целый час. Но от сытной еды мы осмелели. Элизабет Маккенна сказала: «Не сидеть же всю ночь у Амелии, надо расходиться по домам». Все и пошли. Только за нарушение комендантского часа людей отправляли в лагерь, а за свинину и подавно. Мы пробирались тихонько, огородами, чуть ли не ползком.

Все обошлось бы, если б не Джон Букер. За ужином он не столько ел, сколько пил, а когда мы вышли на дорогу, взял и заорал песню! Я схватил его обеими руками, да поздно. Из-за деревьев с «люгерами» наперевес выступили шестеро патрульных, раскричались: почему шляетесь ночью? Где были? Куда идете?

Я растерялся. Что делать? Бежать? Застрелят. Во рту пересохло, в мозгах пустота, до звона. Я стоял, поддерживал Букера и молился о чуде.

А Элизабет сделала глубокий вдох и шагнула вперед. Она невысокая, дуло пистолета ей вровень с глазами, но она даже не моргнула. Подошла к главному и затараторила без остановки. О, нам так жаль, что мы нарушили комендантский час! Но мы были на собрании гернсийского

литературного клуба и обсуждали роман «Элизабет и ее чудесный немецкий садик». Изумительная книжка! Сплошной восторг, все дружно забыли о времени. Вам не доводилось читать?

Остальные тупо молчали, но патрульный поневоле заулыбался – такова уж наша Элизабет. Наши фамилии записали и вежливо попросили явиться поутру к коменданту. Затем главный патрульный с поклоном пожелал нам доброй ночи. Элизабет светски кивнула, и мы бочком-бочком потянулись прочь, еле сдерживаясь, чтобы не разбежаться, как зайцы. Я тащил на себе Букера, но все равно очутился дома в секунду.

Вот такая история про свинью.

А теперь мой вопрос. К нам каждый день приходят корабли с едой, одеждой, семенами, плугами, кормом для скота, инструментами, лекарствами. Всем, чего на Гернси пока сильно недостает. И теперь, когда есть еда, самое главное для нас – обувь. К концу войны на острове ни одной более-менее годной пары не осталось.

Некоторые привезенные вещи завернуты в старые газетные и журнальные страницы. Мы с моим другом Кловисом аккуратно расправляем их и уносим домой, читать, а потом раздаем соседям. Они, как и мы, за последние пять лет изголодались по новостям из большого мира. У каждого свой интерес: миссис Соусси нужны новые рецепты; мадам Лепелль – модные картинки (она портниха); мистер Бруар читает некрологи (он на что-то надеется, только не говорит, на что); Клаудия Рейни собирает фотокарточки Рональда Колмана⁷, а мистер Туртель – королев красоты в купальниках. Моя подруга Изола любит читать про свадьбы.

Во время войны нам не позволялось получать письма и газеты из Англии – и вообще ниоткуда. В 1942 году немцы изыали радиоприемники. Разумеется, кое-что осталось, и мы тайком слушали, с риском угодить в лагерь. Но многое пропустили и сейчас понимаем не все из того, что читаем.

Мне очень нравятся карикатуры военного времени, но есть одна совершенно загадочная, из «Панча» 1944 года. Там примерно с десяток людей идет по лондонской улице. Главные персонажи – двое мужчин в котелках, с портфелями и зонтиками. Один говорит другому: «Говорят, "червяки" странно влияют на людей. Чушь!» Я не сразу заметил, что на рисунке у всех одно ухо нормальное, а другое – огромное. Может, Вы объясните, в чем соль?

Искренне Ваши Доуси Адамс

Джулиет – Доуси

3 февраля 1946 года

Дорогой мистер Адамс!

Очень рада, что Вам нравятся письма Лэма и его портрет. Мои ожидания в смысле внешности он более чем оправдал, и мне приятно, что наши мнения совпали.

Огромное спасибо за историю о свинье, но не думайте, будто я не заметила, что Вы ответили только на один мой вопрос. Я страстно мечтаю узнать о клубе любителей книги и пирогов из картофельных очистков по возможности больше, и не из одного лишь праздного любопытства, но и профессионального тоже.

Я говорила, что я – писатель? Во время войны я вела еженедельную колонку в «Спектейтор», а затем издательство «Стивенс и Старк» собрало мои статьи в книгу и опубликовало под названием «Иззи Бикерштафф идет на войну». Иззи – литературный псевдоним, выбранный для меня издательством, но сейчас, хвала небесам, бедняжка упокоилась с миром, и я вновь вольна творить под своим именем. Я подумываю о книге, но никак не могу выбрать сюжет,

⁷ Рональд Колман (1891–1958) – английский актер, стал популярным еще в эпоху немого кино, но истинную славу приобрел с приходом в кинематограф звука – благодаря своему бархатному, чарующему женское ухо, звучному баритону.

бок о бок с которым готова просуществовать несколько лет кряду. Тем временем «Таймс» просит у меня статью для литературного приложения. Рассуждения о практической, моральной и философской значимости чтения – в трех номерах от лица трех разных авторов. Мне досталась философская часть, но пока единственная моя мудрая мысль следующая: чтение не дает слететь с катушек. Полагаю, Вы уже поняли, что мне нужна помощь.

Как Вы думаете, ваш клуб не станет возражать, если я упомяну о нем в статье? Я уверена, что история его создания восхитит читателей «Таймс», поэтому очень хотела бы узнать о ваших встречах побольше. Но если Вы против, я пойму – и обрадуюсь любой Вашей весточке на любую тему.

Я прекрасно помню карикатуру в «Панче», которую Вы описали. Очевидно, Вас смутило слово «червяки». Это кодовое название, изобретение Министерства информации. Считалось, что оно звучит не так страшно, как «крылатая ракета V-1» или «ракета-снаряд».

Мы тогда давно привыкли к ночным бомбежкам и всему, что за ними следовало, но те ракеты были... просто ужас. Они налетали днем, и так стремительно, что не хватало времени не то что добежать до укрытия, но даже включить сигнал воздушной тревоги. Их было отчетливо видно – такие тонкие, черные, остро отточенные карандаши, валившиеся с неба с глухим, прерывистым звуком, примерно как у автомобиля, когда в нем заканчивается горючее. Пока они кашляли: «пут-пут-пут», ты был в безопасности. Это значило «слава богу, мимо».

Но когда кашель прекращался, до падения оставалось тридцать секунд. Поэтому люди напряженно прислушивались к моторам этих бомб. Я однажды видела, как упал «червяк». Я была довольно далеко, бросилась в водосточный желоб и буквально прилипла к бордюрному камню. А какие-то женщины в деловом здании на той же улице выглянули с верхнего этажа в окно – посмотреть. Взрывной волной их выдернуло наружу.

Кому пришлось в голову нарисовать такую карикатуру и почему все, включая меня, над ней смеялись? Сейчас трудно постичь. Но это факт. Похоже, старинная максима, что юмор – лучший способ перенести непереносимое, не потеряла своей актуальности.

Мистер Хастингс прислал Вам биографию Лукаса?

Искренне Ваша, Джулиет Эштон

Джулиет – Маркхэму Рейнольдсу

4 февраля 1946 года

М-ру Маркхэму Рейнольдсу
Холкин-стрит, 63
Лондон S.W.1

Дорогой мистер Рейнольдс!

Мне удалось подкараулить Вашего посыльного. Я сцапала его, когда он возлагал букет розовых гвоздик на мой порог, и пыталась до тех пор, пока он не выдал Ваш адрес, – как видите, мистер Рейнольдс, Вы не единственный, кто пользуется слабостями невинных служащих. Надеюсь, его не уволят; он, кажется, милый мальчик, и у него поистине не было выбора – я угрожала Призраками Прошлого.

Итак, теперь у меня есть возможность поблагодарить Вас за мириады присланных цветов – тысячу лет не видела таких роз, камелий и орхидей! Вы и представить не можете, как они поднимают настроение этой отвратительно холодной зимой. Не знаю, за какие заслуги мне посчастливилось жить в оранжерее, когда остальные месят слякоть меж голых деревьев, но меня это абсолютно устраивает.

Искренне Ваша Джулиет Эштон

Маркхэм Рейнольдс – Джулиет

Февраль, 5-е, 1946 год

Дорогая мисс Эштон!

Посыльного я не уволил – повысил. С его помощью я добился того, чего никак не мог добиться сам, – знакомства с Вами. Осмелюсь считать Вашу записку фигуральным рукопожатием, а стало быть, с формальностями покончено. Надеюсь, Вы согласны. Иначе в смутной надежде на личную встречу мне придется добиваться приглашения на очередной званый обед леди Баском. Ваши друзья – подозрительный народец, особенно некто Старк. Он заявил, что ничего не смыслит в лендлизе⁸, и отказался привести Вас на коктейль, который я устраивал в редакции «Взгляда».

Бог свидетель, мои намерения чисты, – во всяком случае, не меркантильны. Дело обстоит до крайности просто: среди писателей Вы единственная, кому удалось меня рассмешить. Колонка Иззи Бикерштафф – самое остроумное из всего напечатанного в военное время, и я мечтаю познакомиться с автором.

Если я поклянусь не похищать Вас, окажете честь поужинать со мной на следующей неделе? Назначайте день – я целиком и полностью в Вашем распоряжении.

Ваш

Маркхэм Рейнольдс

Джулиет – Маркхэму Рейнольдсу

6 февраля 1946 года

Дорогой мистер Рейнольдс!

Меня трудно назвать неуязвимой для комплиментов, особенно тех, что относятся к моим литературным произведениям. Буду счастлива поужинать с Вами. В следующий четверг?

Искренне Ваша Джулиет Эштон

Маркхэм Рейнольдс – Джулиет

Февраль, 7-е, 1946 год

Дорогая Джулиет, Четверг слишком далеко. Понедельник? «Кларидж»? В семь вечера?

Ваш

Марк

P. S. Полагаю, у Вас нет телефона?

Джулиет – Маркхэму

7 февраля 1946 года

Дорогой мистер Рейнольдс!

⁸ Лендлиз (от *англ.* lend – «давать в займы» и lease – «сдавать внаем») – государственная программа, по которой США на безвозмездной основе поставляли оборудование союзным странам в период Второй мировой войны. Концепция этой программы давала президенту Соединенных Штатов власть помогать любой стране, чья оборона признавалась жизненно важной для его страны.

Договорились – понедельник, «Кларидж», в семь. Телефон у меня есть – на Оукли-стрит, под грудой развалин, которые раньше были моей квартирой. Здесь я только снимаю помещение, и у моей хозяйки, миссис Олив Бернс, один-единственный аппарат на весь дом. Если желаете поболтать с ней, могу дать номер.

Искренне Ваша Джулиет Эштон

Доуси – Джулиет

7 февраля 1946 года

Дорогая мисс Эштон!

Уверен, клуб любителей книг будет рад упоминанию в «Таймс». Я попросил миссис Моджери рассказать Вам о наших собраниях. Она дама образованная и напишет для газеты лучше меня. Думаю, наш клуб мало похож на ваши лондонские.

Биографию Лукаса мистер Хастингс еще не нашел, но я получил от него открытку: «Задача сложная. Но не отчаивайтесь». Добрый человек. Я сейчас разгружаю шифер для крыши гостиницы «Краун». Хозяева надеются, что летом снова появятся туристы. Работа хорошая, но я жду не дожусь, когда опять можно будет трудиться на своей земле.

Приятно приходить домой вечером, когда там ждет письмо от Вас.

Желаю удачи с темой для новой книги.

Искренне Ваш Доуси Адамс

Амелия Моджери – Джулиет

8 февраля 1946 года

Дорогая мисс Эштон!

Ко мне только что приходил Доуси Адамс. Он сегодня получил от Вас подарок и письмо – никогда прежде не видела его настолько счастливым. Он так горячо упрашивал меня написать Вам со следующей почтой, что даже забыл о своей стеснительности. Не уверена, что Доуси это сознает, но у него редкий дар убеждения. Он никогда ни о чем не просит для себя, поэтому люди с удовольствием делают то, о чем он просит для других.

Он рассказал о статье, над которой Вы работаете, и попросил меня написать о литературном клубе, который мы создали в период – и благодаря – немецкой оккупации. С удовольствием это сделаю, но с условием.

Знакомая из Англии прислала мне книгу «Иззи Бикерштафф идет на войну». Мы пять лет не имели новостей о большом мире, так что можете вообразить, с каким интересом я читала о военном времени в Англии. Ваша книга познавательна, увлекательна и смешна, но именно ее веселый тон меня немного смущает.

Наше название – «Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков» – весьма необычно, и его легко сделать мишенью для насмешек. Вы можете гарантировать, что этого не произойдет? Члены клуба очень дороги мне, и я не хочу, чтобы они стали предметом потехи.

Не расскажете ли коротко, о чем намереваетесь писать в статье, а также немного о себе? Если Вы понимаете важность моих вопросов, буду рада рассказать о нашем клубе. Надеюсь на скорый ответ.

Искренне Ваша Амелия Моджери

Джулиет – Амелии

10 февраля 1946 года

Миссис Амелии Моджери
Виндкросс-мэнор
Ля Буви
Сент-Мартинс, Гернси

Дорогая миссис Моджери!

Спасибо за письмо. Я с удовольствием отвечу на Ваши вопросы.

Я действительно описывала многие военные ситуации в шутливой форме: в «Спектейтор» считали, что легкий тон служит противоядием от плохих новостей и помогает ободрить упавших духом лондонцев. Я рада, что Иззи служила этой цели, однако сейчас – благодарение небесам! – нужда смеяться сквозь слезы отпала. И я ни за что не стала бы потешаться над теми, кто любит читать. А над мистером Адамсом тем более – как приятно было узнать, что одна из моих книг попала в такие замечательные руки.

Вы хотели что-нибудь обо мне узнать, поэтому я попросила его преподобие Саймона Симплесса из церкви Св. Хильды близ Берри-Сент-Эдмундс в Саффолке написать Вам. Его преподобие знает меня с детства и очень любит. Также я попросила рекомендацию у леди Бэллы Тонтон. Мы с ней тушили зажигалки во время блицкрига; она ненавидит меня всей душой. Надеюсь, взгляды с диаметрально противоположных точек дадут более или менее верное представление о моем характере.

Прилагаю экземпляр биографии Энн Бронте моего пера как подтверждение того, что способна писать в ином стиле. Биография продавалась не слишком хорошо – по сути, вовсе не продавалась, но ею я горжусь больше, чем «Иззи Бикерштафф».

Если есть еще что-то, что убедит Вас в моих добрых намерениях, буду рада это предложить.

Искренне Ваша Джулиет Эштон

Джулиет – Софи

12 февраля 1946 года

Милая Софи!

Маркхэм В. Рейнольдс, кавалер с камелиями, наконец материализовался. Представился мне, осыпал комплиментами, пригласил на ужин – и не куда-нибудь, а в «Кларидж». Я с царственной небрежностью согласилась («Кларидж»? Да-да, слыхала про такой), а потом целых три дня страдала из-за своей прически. Хорошо, что у меня есть прелестное новое платье, я хотя бы сэкономила на страданиях, что надеть.

Выражаясь словами мадам Хелены, «этот волос, он у нее никудышный». Пучок развалился. Изысканный узел тоже. Я уже готовилась водрузить на макушку здоровенный бант из красного бархата, но тут на помощь явилась соседка Евангелина Смит, дай ей бог всяческого здоровья. Через две минуты я была воплощением элегантности. Она гениально управилась с моими кудельками – собрала их и пустила по шее сзади, причем я спокойно могла вертеть головой. И этакой вот прелестницей и чаровницей уверенно отправилась на встречу. Даже в мраморном вестибюле «Клариджа» не оробела.

Но затем передо мной возник Маркхэм В. Рейнольдс, и пузырь моей самоуверенности лопнул. Маркхэм ослепителен. Честно, Софи, я таких еще не встречала. Печник и тот рядом

не стоял. Маркхэм – загорелый красавец с яркими голубыми глазами. Потрясающие кожаные туфли, элегантный шерстяной костюм, ослепительно белый носовой платок в нагрудном кармане. Высокий – американец как-никак. С немного пугающей американской улыбкой в миллион зубов. Весь радушие и благорасположение, но отнюдь не добряк. Полон значительности и явно привык распоряжаться людьми – хотя проделывает это столь естественно, что никто ничего не замечает. Чтобы кто-то ему отказал? Нонсенс!

Мы сели за стол – в отсеке за бархатной занавеской, – и, когда официанты, стюарды и метрдотели закончили вокруг нас суетиться, я в лоб спросила, почему он присылал горы цветов, но не вложил ни единой записки.

Маркхэм рассмеялся:

– Чтобы заинтриговать. Если бы я прямо попросил о встрече, что бы вы ответили?

Я признала, что отказалась бы. Он приподнял бровь домиком. Его ли вина, что меня так легко обвести вокруг пальца?

Я была невероятно оскорблена собственной предсказуемостью, но он лишь опять надо мной посмеялся и завел разговор о войне, викторианской литературе – он знает, что я писала про Энн Бронте, – Нью-Йорке, карточках... Не успела я опомниться, как уже, очарованная до предела, купалась в лучах его внимания.

Помнишь, мы в Лидсе гадали, почему Маркхэм В. Рейнольдс-младший хранит инкогнито? Должна нас разочаровать: мы во всем не правы. Он не женат. И точно не застенчив. У него нет шрама через все лицо, из-за которого он избегал бы показываться при свете дня. На оборотня тоже не похож (во всяком случае, на костяшках пальцев шерсти нет). И он не беглый нацист (был бы акцент).

С другой стороны, может, он все-таки оборотень. Легко представляю, как Маркхэм гонится по болоту за невинной жертвой и не задумываясь ее сжирает. Надо будет внимательно понаблюдать за ним в следующее полнолуние. Он пригласил меня завтра на танцы – пожалуй, есть смысл надеть что-нибудь с высоким воротником. Ой, это же от вампиров! Перепутала.

По-моему, я слегка напилась.

С любовью, Джулиет

Леди Бэлла Тонтон – Амелии

12 февраля 1946 года

Дорогая миссис Моджери!

Передо мной лежит письмо от Джулиет Эштон, и я потрясена его содержанием. Правильно ли я поняла, что Вам нужна ее рекомендация? Что ж, извольте! Не скажу ничего дурного о характере Джулиет – лишь о ее здравом смысле. Таковой у нее полностью отсутствует.

Как известно, на войне как на войне, с кем только не столкнешься. Меня судьба свела с Джулиет – мы тушили зажигалки в самом начале блицкрига. Дежурили ночами на лондонских крышах и, если падала бомба, бежали к ней с ручной помпой и ведрами песка и тщательно гасили все искорки. Меня поставили в пару с Джулиет. Мы не болтали попусту, в отличие от других, менее добросовестных дежурных. Я старалась проявлять постоянную, неусыпную бдительность. Но тем не менее успела узнать многие подробности ее довоенной жизни.

Ее отец был в Саффолке уважаемым фермером. А мать, полагая, типичной фермерской женой, которая доила коров, ошипывала кур – и держала книжный магазин в Берри-Сент-Эдмундс. Когда Джулиет было двенадцать, ее родители погибли в автомобильной аварии. Сиротку отправили в Сентджонсвуд, к двоюродному деду, известному классицисту. Она мешала его занятиям и существованию в целом тем, что сбегала от него – дважды.

Отчаявшись, он отослал Джулиет в элитарный пансион. Она закончила школу, отказалась от высшего образования, уехала в Лондон и поселилась на съемной квартирке с подружкой Софи Старк. Днем Джулиет работала в книжном магазине, а по ночам писала книгу об одной из несчастных девиц Брон-те – забыла, какой именно. Насколько помню, книгу опубликовало издательство брата Софи, «Стивенс и Старк». Очевидно, что своим появлением книга обязана странной форме внебиологического непотизма.

Так или иначе, Джулиет начала строчить для газет и журналов. Легкий, фривольный взгляд на вещи обеспечил ей признание среди не самой интеллектуальной части наших сограждан – им, как Вы знаете, несть числа. Остатки наследства Джулиет потратила на приобретение квартиры в Челси, районе, испокон веку служившем приютом художникам, натурщицам, вольнодумцам, социалистам и прочим безответственным натурам, к каким принадлежит и Джулиет, – что особенно наглядно проявилось при тушении зажигалок.

Приведу пример.

Я, Джулиет и еще несколько человек дежурили на крыше Иннер-Темпл «Судебных иннов»⁹. Позволю себе напомнить, что для дежурного быстрота реакции и трезвость мышления – императив. Требовалось подмечать все вокруг. Решительно все.

Майской ночью 1941 года на крышу библиотеки Иннер-Темпл упала фугасная бомба, довольно далеко от поста Джулиет. Однако та все равно бросилась спасать книжки – словно могла в одиночку потушить пожар! Разумеется, это не привело ни к чему хорошему, кроме дополнительных неприятностей, поскольку пожарным пришлось тратить часть драгоценного времени на спасение самой Джулиет.

Она получила незначительные ожоги, но сгорело около пятидесяти тысяч книг. Джулиет исключили из дежурных – и правильно. Позднее мне стало известно, что она предложила свои услуги бригаде помощников пожарных – тех, кто по утрам после бомбежки приходят на пожарище, разливают спасателям чай и оказывают им моральную поддержку. Также они помогают выжившим искать родственников, обеспечивают временным жильем, одеждой, едой, деньгами. Слава богу, это оказалось Джулиет по плечу: чашкам и ложкам трудно навредить.

Теперь ночами она могла заниматься чем угодно и, очевидно, с головой ушла в журналистские почеркушки, поскольку «Спектейтор» нанял ее вести еженедельную колонку о положении нации в военное время, что она проделывала под именем Иззи Бикерштафф.

Я прочла всего одну статью и отказалась от подписки. Джулиет позволила себе высмеивать безупречный вкус нашей любимой (пусть и покойной) королевы Виктории. Вы, несомненно, знаете мемориал, который наша монархия возвела в память об обожаемом супруге принце Альберте. Это жемчужина Кенсингтон-Гарденз – памятник не только дорогому усопшему, но и идеальному чувству стиля королевы. Однако Джулиет осмелилась аплодировать министерству продовольствия за приказ обсадить мемориал зеленым горошком – по ее мнению, видите ли, лучшего пугала, чем принц Альберт, не сыщешь во всей Англии.

Дурновкусие, нелепые суждения, неверно расставленные приоритеты и сомнительное чувство юмора. Однако в одном хорошем качестве Джулиет не откажешь: она честна. Если она обещала не порочить доброе имя вашего литературного клуба, значит, не опорочит. Больше мне нечего сказать.

Искренне Ваша Бэлла Тонтон

⁹ Судебные инны – традиционная форма самоорганизации адвокатского сообщества в Англии. Каждый адвокат должен вступить в одну из четырех юридических палат – Линкольнс-инн, Грейс-инн, Миддл-инн или Иннер-Темпл. Здания этих палат занимают обширную территорию в самом сердце Лондона.

Его преподобие

Саймон Симплесс – Амелии

13 февраля 1946 года

Дорогая миссис Моджери!

Заявляю ответственно: Джулиет доверять можно. Ее родители были моими добрыми друзьями и прихожанами церкви Св. Хильды. В ночь, когда родилась Джулиет, я находился у них дома. Она росла упрямым, но прелестным, деликатным, веселым ребенком – необычайно честным с самых юных лет.

Приведу один пример. Джулиет было десять. Она дошла до четвертой строфы гимна «Следит Он за каждой птахой», внезапно захлопнула молитвенник и наотрез отказалась продолжать пение. А дирижеру хора заявила, что эти стихи бросают тень на личность Господа. Он (дирижер, не Господь) растерялся и привел Джулиет ко мне, дабы я ее вразумил.

Я преуспел мало. Джулиет сказала:

– Что за название: «Следит Он за каждой птахой»? Что оно означает? Что Бог занимается орнитологией, когда так нужен людям?

Мне нечего было возразить – и как это я сам не подумал? С того дня хор не исполняет упомянутый гимн.

Джулиет потеряла родителей в двенадцатилетнем возрасте, и ее отправили в Лондон к двоюродному деду доктору Родерику Эштону, человеку не то чтобы недоброму, но настолько погруженному в греко-римские штудии, что они не оставляли ему времени на девочку. Кроме того, у доктора Эштона начисто отсутствовало воображение, а обстоятельство это для воспитателя фатальное.

Джулиет дважды от него убегала. В первый раз добралась лишь до вокзала Кингс-кросс, полиция поймала ее там с упакованным рюкзаком и отцовской удочкой, она ждала поезд на Берри-Сент-Эдмундс. Девочку вернули к доктору Эштону, но она снова бежала. На сей раз доктор позвонил мне и попросил помощи в розысках.

Я знал, куда идти – на бывшую ферму ее родителей. Бедняжка, насквозь мокрая, сидела на пеньке против входа, не замечая дождя, и смотрела на свой (уже проданный) дом. Я отправил телеграмму в Лондон и на следующий день повез туда Джулиет. В приход планировал возвратиться сразу, обратным поездом, но, увидев, что бессердечный дед прислал за Джулиет кухарку, поехал с ними. Ворвался к ученому мужу в кабинет и имел с ним серьезную беседу. Он согласился, что Джулиет лучше отослать в пансион. Средств, оставленных ее родителями, на это хватало с лихвой.

К счастью, я знал хорошее место – школу св. Суизина, прекрасную с академической точки зрения. И руководила ею женщина, сделанная не из гранита. Рад сообщить, что там Джулиет опять расцвела. Ей очень нравилось учиться, но, полагаю, истинная причина – в дружбе с Софи Старк и ее семьей. Джулиет часто уезжала к Софи на каникулы. Дважды девочки гостили в приходе у меня и моей сестры. Мы устраивали пикники, ездили на велосипедах, ловили рыбу. Как-то приезжал брат Софи, Сидни Старк. Он был на десять лет старше девочек и постоянно порывался ими помыкать, однако ему удалось стать достойным членом нашей небольшой команды.

Наблюдать за взрослением Джулиет – и знать ее сейчас – для меня настоящий подарок судьбы. Я польщен, что она от Вашего имени попросила меня охарактеризовать ее как личность.

Я описал историю нашего с ней знакомства, чтобы Вы поняли: я хорошо ее знаю. Если Джулиет говорит да, – значит, да. Если нет, – значит, нет.

*Всецело Ваш
Саймон Симплесс*

Сьюзан Скотт – Джулиет

17 февраля 1946 года

Дорогая Джулиет!

Ты ли это в последнем «Татлере» танцуешь румбу с Марком Рейнольдсом? Выглядишь сногшибательно – почти так же сногшибательно, как он, – но, по-моему, пока Сидни не увидел номер, тебе лучше переселиться в бомбоубежище.

Мое молчание, как ты догадываешься, можно купить парой пикантных подробностей.

Твоя Сьюзан

Джулиет – Сьюзан Скотт

18 февраля 1946 года

Дорогая Сьюзан!

Я все отрицаю.

С любовью, Джулиет

Амелия – Джулиет

18 февраля 1946 года

Дорогая мисс Эштон!

Спасибо, что отнеслись к моему условию серьезно. На вчерашнем заседании клуба я рассказала о Вашей статье для «Таймс» и предложила желающим написать о прочитанных книгах и о том, какую радость доставляет им чтение.

Реакция оказалась настолько бурной, что Изоле Прибби, нашему парламентскому секретарю, пришлось призвать всех к порядку громким ударом молотка (впрочем, Изола вообще не стесняется им пользоваться). Думаю, Вы получите немало писем, и надеюсь, они помогут при создании статьи.

Вы уже знаете от Доуси, что наш клуб создало воображение нашей дорогой Элизабет Маккенна, чтобы немцы не арестовали тех, кто присутствовал у меня на ужине, – Доуси, Изолу, Эбена Рамси, Джона Букера, Уилла Тисби и саму Элизабет, благослави Господь ее быстрый ум и золотые уста.

Я, конечно, вначале пребывала в неведении. Едва все ушли, я поспешила в погреб припрятывать остатки пиршества. И о литературном клубе услышала лишь назавтра в семь утра. Элизабет влетела ко мне на кухню с вопросом:

– Сколько у вас всего книг?

Порядочно. Но Элизабет, оглядев шкаф, качнула головой:

– Надо еще. Слишком много садоводства.

Что ж, это моя страсть.

– Придумала! – воскликнула Элизабет. – Разберусь с комендатурой, и мы с вами пойдем в книжный магазин Фокса и купим все, что там есть. Раз уж у нас книжный клуб, надо соответствовать.

Я все утро волновалась из-за комендатуры. Что, если их отправят в гернсийскую тюрьму? Или, кошмар из кошмаров, в концлагерь на континенте? Немецкое правосудие было настолько иррационально, что предугадать, какое наказание за каким преступлением последует, не представлялось возможным. Однако ничего страшного не произошло.

Прозвучит странно, но немцы, в некотором смысле, поощряли жителей Нормандских островов в их художественных и культурных занятиях. Целью было показать Британии, что немецкая оккупация – оккупация идеальная. Как они планировали донести сию информацию, неясно, поскольку телефонный и телеграфный кабели между Гернси и Лондоном перерезали в первый же день высадки германских войск в июне 1940 года. Но, какова бы ни была их логика, Нормандским островам поначалу везло больше, чем остальной завоеванной Европе.

В комендатуре моим друзьям велели заплатить небольшой штраф и предоставить список членов клуба. Комендант объявил, что и он большой любитель литературы, так нельзя ли ему вместе с офицерами-единомышленниками изредка присутствовать на заседаниях?

Элизабет заверила, что мы будем счастливы. Потом мы с ней и Эбенем сломя голову помчались к «Фоксу», набрали по охалке книг для новоявленного клуба и полетели обратно в особняк расставлять их по полкам. И лишь затем прогулочным шагом, с беспечным видом принялись обходить людей, сообщая, что вечером они должны зайти выбрать книгу. Очень тяжело было сдерживать нетерпение и останавливаться поболтать с каждым, когда хотелось поскорей все уладить! Время поджимало. Элизабет боялась, что комендант придет на следующее заседание – через две недели. (Он не пришел. За годы к нам лишь несколько раз забредали по одному немецкие офицеры, но уходили они в замешательстве и, к счастью, назад не возвращались.)

Таково начало. Я знала всех членов клуба, но кое-кого не слишком хорошо. Доуси – свыше тридцати лет мой сосед, но мы никогда не обсуждали ничего, кроме погоды и сельского хозяйства. Изола – мой добрый друг, но Уилл Тисби – только знакомый, а с Джоном Букером знакомство шапочное, ведь он появился на острове недавно, одновременно с немцами. Нас объединила Элизабет, это она настояла, чтобы я пригласила всех на ужин. Без нее гернсийский клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков не появился бы на свет.

Вечером они пришли за книгами, и те, кто прежде держал в руках лишь Писание, каталоги семян и «Календарь свиновода», открыли для себя совсем иную литературу. Доуси нашел Чарльза Лэма, Изола – «Грозовой перевал». Я выбрала «Записки Пиквик-ского клуба» в надежде воспрянуть духом – и помогло.

Люди разошлись по домам читать. А после стали встречаться, вначале из страха перед комендантом, затем – для удовольствия. Не имея опыта посещения литературных клубов, мы выработали собственные правила. Каждый по очереди рассказывал о книге, которую прочел. Мы пытались оценивать их беспристрастно, однако из этого ничего не вышло, докладчику страстно хотелось увлечь слушателей, заставить срочно схватиться за полюбившуюся ему книгу. Если двое читали одно и то же, между ними иногда разгорался диспут – огромное развлечение. Мы читали, разговаривали о книгах, спорили до хрипоты и с каждым разом становились ближе и дороже друг другу. К нам постепенно присоединялись новые люди, и собрания сделались настолько яркими и оживленными, что мы временами забывали об ужасах внешнего мира. Встречи по-прежнему проходили раз в две недели.

Тому же, что в названии клуба фигурируют пироги из картофельных очистков, мы обязаны Уиллу Тисби. Немцы немцами, но он не собирался ходить ни на какие сборища, если там нечего поесть! Закуски вошли в программу. На Гернси тогда было мало сливочного масла и еще меньше муки, а сахар отсутствовал полностью. Уилл изобрел пирог из картошки: очистки для теста, пюре в начинку и немного давленной свеклы для сладости. Как правило, рецепты Уилла весьма сомнительны, но этот нам полюбился.

Буду рада узнать, как продвигается работа над статьей и какие у Вас новости.

Сердечно Ваша Амелия Моджери

Изола Прибби – Джулиет

19 февраля 1946 года

Дорогая мисс Эштон!

Господи боже. Так это Вы написали книгу об Энн Бронте, сестре Шарлотты и Эмили. Амелия Моджери обещала дать ее мне почитать, она знает, как я люблю девочек Бронте. Бедняжки! Подумайте только, у всех пятерых были слабые легкие и они умерли совсем молодыми! Грустно.

И папаша – довольно эгоистичный тип. Совершенно не думал о дочерях, знай себе требовал принести шаль из своего кабинета. Нет чтобы самому оторваться. Так и сидел сычом, пока дочки мерли как мухи.

А братец Бренвелл? Тоже хорош гусь. Напьется да загадит ковер. А девочкам вечно приходилось за ним убирать. Подходящее занятие для писательниц!

С двумя такими мужчинами в доме Эмили только и оставалось, что выдумать Хитклифа! Других-то вокруг не было. Но у нее здорово получилось. Мужчины в книгах вообще интересней, чем в обычной жизни.

Амелия сказала, что Вы хотите больше узнать про наш клуб и про что мы разговариваем на заседаниях. Я однажды, когда подошла моя очередь, докладывала о сестрах Бронте, Шарлотте и Эмили. Жаль, не могу послать Вам мои записки, они пошли на растопку плиты, другой бумаги в доме не было. До того я успела сжечь таблицы приливов, Апокалипсис и Книгу Иова.

Вам, наверное, интересно, почему я восхищаюсь сестрами Бронте. Обожаю любовные истории. У меня самой ничего такого не было, а по их книжкам я хорошо все представляю. Вначале «Грозовой перевал» мне не нравился, но едва призрак Кэти начал царапать костлявым пальцем по оконному стеклу, как книжка словно схватила меня за горло и больше не отпустила. В ушах словно по-настоящему звенели жалобные крики Хитклифа на болоте. Чудесная писательница Эмили Бронте! После нее не станешь читать «Оскорбленную при свечах» какой-нибудь мисс Аманды Джиллифлауэр. Хорошие книги начисто отбивают охоту к плохим.

Расскажу немного о себе. У меня домик и небольшой участок рядом с особняком Амелии Моджери. Мы обе живем возле моря. Я держу кур и козу Ариэль и кое-что выращиваю. Еще есть попугайха, ее зовут Зенобия, и она не любит мужчин.

Каждую неделю я торгую на рынке (у меня там место), продаю консервы собственного изготовления, овощи, эликсиры для восстановления мужского здоровья. Их помогает готовить Кит Маккенна, это дочь моей любимой подруги Элизабет. Кит всего четыре, и ей приходится вставать на стул, чтобы дотянуться до котла, но зато она уже умеет взбивать густую пену.

Собой я не особенно хороша. У меня большой нос, к тому же сломанный, потому что я давно уже упала с крыши курятника. Один глаз косит, волосы дикие – не приладишь. Я высокая, у меня крупная кость.

Если хотите, напишу Вам еще. Расскажу побольше о чтении и о том, как оно поднимало дух при немцах. Один только раз не помогло – когда арестовали Элизабет. Немцы узнали, что она помогает укрывать польского рабочего, и отправили ее в тюрьму во Франции. Тогда, и долго еще потом, никакая книга не могла унять моей тоски. Так и хотелось лупить по морде всех фашистов. Но ради Кит я сдерживалась. Она была совсем кроха и без нас пропала бы. Элизабет еще не вернулась. Нам за нее страшно, но, как я говорю, времени прошло совсем мало и надежда пока есть. Я молюсь о ней, мне ее очень не хватает.

*Ваш друг
Изола Прибби*

Джулиет – Доуси

*20 февраля 1946 года
Дорогой м-р Адамс!*

Как Вы догадались, что больше всех цветов на свете я люблю белые лилии? Всегда любила – и вот они, роскошные, стоят на моем письменном столе. Такие красивые! Мне нравится, когда они в доме, изумляет их вид, запах и само чудо их существования. Вначале я подумала: где же он взял их в феврале? – но потом вспомнила, что Нормандские острова омывает благословенный Гольфстрим.

М-р Дилвин появился у меня на пороге с Вашим букетом рано утром. Сказал, что приехал в Лондон по делам своего банка, и заверил, что ему не составило труда привезти цветы и что вообще нет такого, чего он не сделал бы ради Вас, ведь во время войны Вы подарили его жене кусок мыла! Миссис Дилвин до сих пор всякий раз плачет, вспоминая об этом. Приятный человек. Жаль, у него не нашлось времени выпить со мной кофе.

Благодаря Вашему любезному содействию я получила чудесные длинные письма от миссис Моджери и Изолы Прибби. Я как-то не думала о том, что при немцах жители Гернси не получали новостей и даже писем из внешнего мира. Глупо с моей стороны. Я же знала, что Нормандские острова оккупированы, но ни разу не задумалась над тем, что это подразумевает. Добровольное невежество, иначе не назовешь. Поэтому сейчас я отправляюсь в Лондонскую библиотеку – с целью самообразования. Библиотека сильно пострадала от бомбежек, но полы уже починили, сохранившиеся книги расставили по местам, и мне доподлинно известно, что там собраны все номера «Таймс» с 1900 года по вчерашнее число. Займусь изучением оккупации.

Еще хочу найти путеводители и книги по истории Нормандских островов. Правда ли, что в ясный день от вас видно автомобили на дорогах французского побережья? Так сказано в моей энциклопедии, но она куплена у букиниста за 4 шиллинга, и я не очень ей доверяю. Оттуда же мною почерпнуты сведения, что остров Гернси «приблизительно семь миль в длину и пять – в ширину, и его население составляет 42 000 человек». Весьма информативно, но мне почему-то хочется знать много больше.

Мисс Прибби написала, что вашу знакомую Элизабет Маккенна отправили в лагерь на континенте и она до сих пор не вернулась. Это меня потрясло. С тех пор как Вы рассказали про ужин с жареной свиньей, я мысленно видела ее среди вас. И, сама того не понимая, рассчитывала на письмо и от нее тоже. Мне очень, очень жаль. Очень надеюсь на ее скорое возвращение.

Еще раз спасибо за цветы. Так мило с Вашей стороны.

Всегда Ваша Джулиет Эштон

P. S. Можете считать вопрос риторическим, но почему миссис Дилвин плачет из-за мыла?

Джулиет – Сидни

*21 февраля 1946 года
Милый Сидни!*

Сто лет ничего от тебя не слышала. Связано ли твое ледяное молчание с Марком Рейнольдсом?

У меня есть идея по поводу новой книги. Пусть это будет роман о красивой, но чувствительной писательнице, которую третирует деспотичный издатель. Нравится?

Бесконечно люблю, Джулиет

Джулиет – Сидни

23 февраля 1946 года

Дорогой Сидни!

Я пошутила. Честно.

С любовью, Джулиет

Джулиет – Сидни

25 февраля 1946 года

Сидни?

С любовью, Джулиет

Джулиет – Сидни

26 февраля 1946 года

Дорогой Сидни!

Ты правда надеялся, что я не замечу твоего отсутствия? А я заметила. Не получив ответа на три записки, я лично нанесла визит на площадь Сент-Джеймс и пообщалась с железной мисс Тилли. Та объявила, что тебя нет в городе. Исчерпывающая информация. Но я немного надавила на нее и узнала, что ты уехал в Австралию! Мисс Тилли хладнокровно стерпела мои ахи и охи и твоего местонахождения не раскрыла – сказала лишь, что ты прочесываешь австралийские пустоши в поисках новых авторов для «Стивенс и Старк». И обещала переправлять тебе мои письма, когда ей будет удобно.

Стальная мисс Тилли меня не провела. И ты тоже. Я прекрасно знаю, где ты и чем занимаешься. Ты полетел в Австралию разыскивать Пьерса Лэнгли, чтобы держать его за руку, пока он выходит из запоя. По крайней мере, надеюсь, что это так. Он замечательный друг – и замечательный поэт. Пусть поскорей выздоравливает и пишет новые стихи. Я бы добавила: и пусть забудет о Бирме и японцах, но это, увы, невозможно.

Но вообще-то, мог бы сказать. Если постараться, я умею хранить тайны. (Неужто ты никогда не простишь, что я проболталась про беседку и миссис Этуотер? Я же случайно – и так долго извинялась!)

Прошлая твоя секретарша мне нравилась больше. И уволил ты ее зря: мы с Маркхэмом Рейнольдсом все равно познакомились. Ладно, ладно, не просто познакомились. Танцевали румбу. Но не вставай на дыбы: он не упоминал о «Взгляде» даже вскользь и ни разу не пытался сманить меня в Нью-Йорк. Мы говорили о высоких материях вроде викторианской литературы. Кстати, Сидни, Марк вовсе не дилетант, каким ты его представил. Он, к примеру, специалист по Уилки Коллинзу¹⁰. Ты в курсе, что Коллинз жил на два дома с двумя любовницами и двумя комплектами детишек? Вообрази этот плотный график! Немудрено, что бедолага курил опиум.

¹⁰ Уильям Уилки Коллинз (1824–1889) – английский писатель, автор знаменитого «Лунного камня», считающегося первым детективом в истории литературы.

Уверена, Марк тебе понравится, если вы познакомитесь ближе, – вам, возможно, придется. Но помни, что мое сердце и моя рука (та, что пишет) отданы «Стивенс и Старк».

Статья для «Таймс» оказалась настоящим подарком и продолжает доставлять удовольствие. Я завела кучу новых друзей с Нормандских островов – из «Клуба любителей книг и пирогов из картофельных очистков». Правда, прелесть название? Если Пьерса требуется развлекать, я напишу длинное письмо про то, откуда оно взялось. Если не требуется, расскажу, когда вернешься (когда, кстати?).

Моя соседка Евангелина Смит в июне родит близнецов. Поскольку она от этого не в восторге, я, пожалуй, возьму одного себе.

С любовью к тебе и Пьерсу, Джулиет

Джулиет – Софи

28 февраля 1946 года

Милая Софи!

Я удивлена не меньше твоего. От Сидни – ни слова. Во вторник я поняла, что от него давно ничего не слышно, пошла в «Стивенс и Старк» и узнала, что он куда-то слинял. Его новая секретарша мисс Тилли – ведьма. На все вопросы отвечала: «Мисс Эштон, я не имею права раскрывать информацию личного характера». Как же хотелось треснуть ее по башке!

Я уже начинала думать, что Сидни завербован Ми-6¹¹ и отправлен с заданием в Сибирь, когда это чудовище наконец призналось: он в Австралии. А значит – все ясно! Поехал за Пьерсом. Тедди Лукас недвусмысленно дал понять, что тот допьется до смерти в своем санатории, если его не остановить. Неудивительно – после всего, через что Пьерс прошел, и нельзя порицать, – но, к счастью, Сидни этого не допустит.

Я всем сердцем люблю твоего брата, но, право, только сейчас, когда он в Австралии, задышала свободно. Последние три недели Марк Рейнольдс проявлял ко мне, выражаясь словами твоей тети Лидии, настойчивое внимание. А я, даже обедаясь омарами и упиваясь шампанским, постоянно оглядывалась через плечо – не видит ли Сидни? Он убежден, что цель Марка – выкрасть меня не только у «Стивенс и Старк», но из Лондона вообще, и, что бы я ни твердила, его не переубедить. Марк ему не нравится, и точка. «Настырный», «неразборчивый в средствах», помнится, прозвучало во время нашей последней встречи. Честное слово, какой-то король Лир! Я взрослая женщина – более или менее – и могу упиваться шампанским с кем хочу.

Когда я не заглядываю под скатерть в поисках Сидни, то время провожу чудесно. Словно вынырнула из черного тоннеля в гущу карнавала. Не то чтобы я любила карнавалы, но после черного тоннеля – счастье. Марк истинный гуляка. Если мы не на вечеринке (как обычно), то идем в кино, или в театр, или в ночной клуб, или в кабак с дурной репутацией (попытка Марка внедрить в мое сознание – цитирую – демократические идеалы). Головокружительно.

Ты замечала, что есть люди – особенно американцы, – которых война будто бы не коснулась или, во всяком случае, не смяла? Нет, Марк не уклонялся от исполнения гражданского долга – служил в авиации, – но война его... не сжевала. И я при нем тоже словно бы не затронута ею. Знаю, это иллюзия, и вообще, если так, было бы стыдно, но ведь простительно чуточку понаслаждаться жизнью? Да?

Доминик уже слишком взрослый для чертика в табакерке? Я вчера видела в магазине одного совершенно демонического. Выскакивает с жуткой ухмылкой и раскачивается, скаля

¹¹ Ми-6 – разведывательная служба Великобритании.

острые зубы, и у него еще такие завитые черные усы – настоящий злодей. Доминику понравится – когда он оправится от испуга.

С любовью, Джулиет

Джулиет – Изоле

28 февраля 1946 года

Мисс Изола Прибби
Усадьба Прибби
Ля Буви
Сент-Мартинс, Гернси

Дорогая мисс Прибби!

Большое спасибо за письмо о Вас и Эмили Бронте. Я смеялась, когда читала, как книга схватила Вас за горло в ту минуту, когда привидение несчастной Кэти постучалось в окно. Меня схватило в тот же момент.

«Грозовой перевал» нам задали на пасхальные каникулы. Я гостила у своей подруги Софи Старк, и мы целых два дня дружно ныли, какая все это несправедливость, пока наконец ее брат Сидни не велел нам заткнуться и взяться за дело. Я хоть и послушалась, но внутренне продолжала бушевать, – а тут вдруг призрак! В жизни не испытывала такого ужаса, как тогда. Разные вампиры и чудовища меня не пугают, но привидения совсем другая история.

До конца каникул мы с Софи только и делали, что перемещались из кровати в гамак, из гамака в кресло и читали, читали – «Джейн Эйр», «Агнес Грей», «Ширли», «Незнакомку из Уайлдфелл-холла».

Удивительная семья Бронте. Я решила писать об Энн, потому что из всех сестер она наименее известна, а как писательница, по-моему, ничуть не хуже Шарлотты. Хотя загадка, как Энн вообще удалось что-то написать, – при таком религиозном давлении со стороны тетки Бренвелл! Эмили и Шарлотте хватало здравого смысла игнорировать старую ведьму, а бедняжке Энн – нет. Представьте: бесконечные проповеди о том, что Господь повелел женщине быть кроткой, смиренной, тихой и меланхоличной. Конечно, так меньше хлопот. Чертова перерчица!

Надеюсь, Вы напишете мне еще.

Ваша Джулиет Эштон

Эбен Рамси – Джулиет

28 февраля 1946 года

Дорогая мисс Эштон!

Меня зовут Эбен Рамси, и я живу на острове Гернси. Мои предки высекали надгробия и разделявали туши – в основном ягнят. У меня есть любимые занятия для свободного времени, но пропитание я добываю рыбной ловлей.

Миссис Моджери сказала, что Вы собираете рассказы про чтение во время немецкой оккупации. О тех днях я ни вспоминать, ни даже думать не собирался, но миссис Моджери утверждает, что Вам можно верить и что Вы хорошо напишете о клубе. Раз так, ладно. И потом, Вы прислали книгу моему другу Доуси – совершенно незнакомому человеку. Поэтому я решил помочь Вам со статьей.

Сначала никакого клуба не было. У нас народ, кроме Элизабет, миссис Моджери и, может, еще Букера, после школы с книгами дел не имел. Мы их испачкать боялись, когда брали

у миссис Моджери. Меня в те дни читать не тянуло. Только из страха перед комендантом и тюрьмой открыл первую страницу.

Книга называлась «Избранное» Шекспира. Позже я узнал, что и м-р Диккенс, и м-р Вордсворт писали о людях вроде меня. Но Шекспир – точно обо всех нас. Правда, не всегда понятно о чем, но я, дайте срок, разберусь.

Главное, чем меньше он говорит, тем красивей получается. Знаете, какая фраза восхищает меня больше всего? «Угас наш день, и сумрак нас зовет».

Жаль, я не знал ее, когда к нам на остров высаживались германские войска, самолет за самолетом, – и с кораблей в гавани! Тогда я думал: будьте вы прокляты, будьте вы прокляты, будьте прокляты, сто раз подряд. А вот если б мог думать: «Угас наш день, и сумрак нас зовет», меня бы оно утешило. Не так обрывалось бы сердце.

Они пришли в воскресенье 30 июня 1940 года, а перед тем два дня нас бомбили. Утверждалось, что не нарочно, просто приняли грузовики с помидорами на пирсе за армейские. Как это им удалось, ума не приложу. Убили человек тридцать мужчин, женщин, детей – и сына моей двоюродной сестры тоже. Он, когда увидел бомбы, спрятался под свой грузовик, а тот взорвался и загорелся. Еще немцы убили людей в спасательных шлюпках на море. И атаковали машины Красного Креста с нашими ранеными. А в ответ – ни выстрела. Ну, они и сообразили, что Британия бросила нас без защиты. Прилетели спокойно через два дня и заняли нашу землю на целых пять лет.

Вначале они вели себя прилично. Очень гордились, что отвоевали кусочек Англии, и, видно, думали: еще прыг-скок – и мы в Лондоне. Тупицы. А как дошло, что тому не бывать, быстро показали нам свой звериный оскал.

Правила установили на все – это делай, того не делай, – но постоянно их меняли и все хотели казаться добренькими, будто морковкой трясли у осла перед мордой. Только мы-то не ослы. Они и злобились. Например, чуть не каждый день переносили комендантский час – то восемь вечера, то девять, то, когда совсем озверели, вообще пять. Ни тебе друга навестить, ни за скотиной поухаживать.

Первое время мы надеялись, что они через полгодика уйдут. Но оккупация тянулась и тянулась. Еды становилось все меньше, дрова вскоре кончились. Работа тяжелая, дни серые, вечера черные от тоски. Люди болели от недоедания и печалились: вдруг это навсегда. Только книги да друзья напоминали, что в жизни есть светлая сторона. Элизабет любила одни стихи... точно не помню, но начало такое: «Разве этого мало – солнцу с утра лицо подставлять, весну прожить так, чтоб душа ликovala, любить, трудиться с толком, размышлять и верных обрести друзей?»¹² Нет, не пустяк, конечно. Надеюсь, что Элизабет, где бы сейчас ни была, помнит об этом.

В конце 1944-го на комендантский час всем было давно наплевать, большинство ложилось спать в пять, лишь бы как-то согреться. Нам выдавали по две свечи на неделю, затем одну. Очень утомительно лежать в постели без света, даже не считаешь.

После высадки союзников немцы уже не могли присылать к нам из Франции корабли с продовольствием и прочим: их бомбили. Они тоже стали голодать, как мы. Ловили собак и кошек себе на обед, устраивали налеты на наши огороды, воровали картошку – черную, сгнившую и ту ели. Четверо солдат умерло, отравившись болиголовом, приняли его за петрушку.

Германские офицеры объявили, что за воровство с огородов местного населения их солдатам полагается расстрел. Одного беднягу поймали на краже единственной картофелины. За ним погнались свои же, он влез на дерево, спрятался. Но его нашли и убили прямо наверху. Только кражи не прекратились. Лично я никого не осуждаю, кое-кто из наших занимался тем же. Когда каждое божье утро просыпаешься больной от голода, пойдешь и не на такое.

¹² Строки из поэмы Мэтью Арнолда «Эмпедокл на Этне» (перевод Е. Полецкой).

Моего внука Илая эвакуировали в Англию, когда ему было семь. Сейчас он вернулся – двенадцать лет, большой, высокий, – но я все равно не прощу немцам, что из-за них пропустил, как он рос.

Сейчас мне пора доить корову, но если хотите, то потом напишу еще.

Желаю Вам крепкого здоровья.

Эбен Рамси

Мисс Аделаида Эдисон – Джулиет

1 марта 1946 года

Дорогая мисс Эштон!

Простите мои дурные манеры – решилась обратиться к Вам, не будучи представлена, однако это мой долг. Я узнала от Доуси Адамса, что Вам поручено написать статью для литературного приложения «Таймс» о значимости чтения и что в ней Вы намерены упомянуть гернсийский клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков.

Нелепая затея.

Возможно, Вы измените решение, узнав, что основательница клуба Элизабет Маккенна не является коренной жительницей острова и все ее потуги на утонченность – лишь пыль в глаза. Она обыкновенная выскочка, служанка из лондонского дома сэра Эмброуза Айверса, члена К. А. (Королевской академии). Вы наверняка о нем слышали, довольно известный портретист. Я, правда, никогда не понимала, в чем его заслуги. Портрет графини Ламбет в образе Боадии, стегаящей коней, по-моему, непростительная вольность. Но, так или иначе, Элизабет Маккенна, с позволения сказать, дочь его экономки.

Пока мать вытирала пыль, сэр Эмброуз разрешал Элизабет болтаться без дела по мастерской, а в школе продержал много дольше, чем положено ребенку ее положения. Экономка умерла, когда девочке было четырнадцать. И как думаете, ее отослали в соответствующее заведение, чтобы обучить подходящей профессии? Ничего подобного. Сэр Эмброуз оставил сироту в своем доме в Челси и к тому же внес в список кандидатов на стипендию школы изящных искусств «Слейд».

Заметьте: сэр Эмброуз не являлся отцом девочки – его наклонности слишком хорошо известны, чтобы безусловно отвести это предположение, – но обожал ее так, что невольно поощрял Элизабет в главном грехе, гордыне. Упадок нравственности – бич нашего времени, и Элизабет Маккенна – его воплощение.

Сэр Эмброуз владел домом на Гернси, на вершине утеса около Ля Буви. Он и экономка с девочкой проводили там каждое лето. Элизабет, дикарка, даже по воскресеньям носилась по острову растрепанная. Никаких домашних обязанностей, перчаток, ботинок, чулок. Ходила в море рыбачить с простыми мужчинами. Шпионила за порядочными людьми в телескоп. Стыд и позор.

Когда сэр Эмброуз понял, что войны не миновать, то отправил Элизабет закрывать гернсийский дом. Что же, она поплатилась за его неорганизованность: пока заколачивала ставни, немцы высадились к ней на порог. Тем не менее она решила остаться на острове, но дальнейшие события (недостойные, с моей точки зрения, упоминания) показали, что она отнюдь не та самоотверженная героиня, какой ее числят.

Так называемый литературный клуб – и вовсе скандал. На Гернси есть люди достойного воспитания и культуры, однако они никогда не стали бы участвовать в этом балагане (даже по приглашению). В клубе лишь два приличных человека – Эбен Рамси и Амелия Моджери. Но прочие! Старьевщик, психиатр (неудачник и пьяница), свиновод-заика, лакей, представляющийся лордом, плюс Изола Прибби, колдунья (она сама призналась, что изготавливает и про-

дает зелья). И еще пара-тройка личностей подобного сорта. Можете вообразить их «книжные вечера».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.